

Л. С. Клейн

Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора

Keywords: North-Western Rus', Novgorod, Antinormanism, Varangians, Northmen, Lekhite dialectisms, West-Slavic ceramics, ethnonim "Rus" as ingrained in the northern system of ethnonims.

Cuvinte cheie: Rusia de nord-vest, Novgorod, Antinormandism, varegi, normanzi, dialectisme lehite, ceramică vest-slavă, contextul nordic al etnonimului „Rus”.

Ключевые слова: Северо-Запад Руси, Новгород, антинорманизм, варяги, норманны, лехитские диалектизмы, западнославянская керамика, северная укорененность этнонима «русь».

L. S. Klejn

One More Tale on Lekhite Varangians. Discussion Continued

Unexpectedly a sympathetic exposition of Antinormanist hypothesis of treating Varangians in Rus' as Western Slavs appeared in professional archaeological press. This hypothesis is based on three arguments: 1) a guess on Lekhite borrowings in the language of medieval Novgorod population; 2) finds of West-Slavic ceramics in North-Western Rus', and 3) absolutely obsolete manipulations with the ethnonim "Rus". Objections: 1. The lingual borrowings are not substantiated, they are simply archaisms present in other languages, too. 2. The alien (in Rus') ceramics is not domestic, but made by craftsmen, so it cannot testify the coming of Lekhite Varangians. In addition it is absent on the south part of the road from Varangians to Greeks. 3. Even if southern and western etymologies of the term "Rus" were more professionally made, they could not resist the degree to which the term is ingrained into the northern system of ethnonims.

L. S. Klejn

Încă o poveste despre varegii lehiți. Continuarea discuției

Neașteptat, în presa profesională arheologică au apărut unele studii ce simpatizează cu ipoteza, conform căreia varegii din Rusia nu sunt normani, ci slavi de vest. Această ipoteză se bazează pe 1) posibilele cuvinte de origine lehită în limba, vorbită de populația medievală a Novgorodului, 2) descoperirile de ceramică vest-slavă în Rusia de nord-vest și 3) manipulări absolut demodate asupra etnonimului „Rus”. Contraargumente: 1. Influențele lehite nu sunt demonstrate, fiind vorba de fapt despre unele arhaisme, prezente și în alte limbi. 2. Ceramica pătrunsă în Rusia nu este casnică, ci produsă de către meșteri profesioniști, reprezentând un argument în favoarea migrației acestor meșteri, nu a varegilor, fiind absentă și pe traseul sudic al „căii de la varegi la greci”. 3. Chiar dacă etimologiile sudice și vestice ale termenului „Rus” ar fi fost cercetate la un nivel mai profesionist, ele nu pot reprezenta un argument împotriva încadrării termenului respectiv în sistemul etnonimic nordic.

Л. С. Клейн

Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора

Неожиданно в профессиональной археологической печати появилось сочувственное переложение антинорманистской гипотезы идентификации варягов на Руси, превращающей их в западных славян. Эта гипотеза зиждется на 1) предположении о лехитских заимствованиях в речи средневековых новгородцев, 2) находках западнославянской керамики в Северо-Западной Руси и 3) совершенно устарелых манипуляциях с этнонимом «русь». В данной статье обоснованы следующие возражения: 1. Заимствования не доказаны, это просто архаизмы, наличные и в других языках. 2. Пришляя на Руси керамика не домашняя, а ремесленная, и свидетельствует о приходе ремесленников, а не варягов. К тому же ее нет на южной части пути из варяг в греки. 3. Даже будь южные и западные этимологии термину «русь» более профессиональными, они не могут противостоять вписанности термина в северную систему этнонимов.

В «Stratum plus» №4 за 2012 год помещена хвалебная рецензия А. А. Романчука на первый том «Российского археологического ежегодника» (Романчук 2012), в которой он, в частности, очень хвалит мою методологическую статью о гипотезах (Клейн 2011). Его радует, что я поддержал принцип множественности гипотез. Но ведь основное содержание моей статьи — размышления о том, как определять, какие гипотезы правомерны и состоятельны. А тут у нас явное расхождение с автором рецензии. Это проскальзывало уже в той рецензии, а полностью выявилось в большой отдельной статье А. А. Романчука год спустя (Романчук 2013а; 2013б). Я разделил оценку гипотез на четыре уровня: они должны отвечать критериям научности, повышения вероятности, доказанности и познавательной ценности. Романчук решил вмешаться в старый спор о варягах (см. Клейн 2009) на стороне антинорманистов. Если классифицировать позиции историкографически, он поддержал старую идею, ныне защищаемую лишь крайними антинорманистами, — идею западнославянской (не норманнской) принадлежности варягов. Идея эта была реанимирована А. Г. Кузьминым и его учеником В. В. Фоминым, и вот еще раз А. А. Романчуком. По бессмертному выражению Черномырдина, этого отродясь не бывало — и вот опять.

Я признаю, что это научная гипотеза, но ни критериям вероятности, ни критериям доказанности она не отвечает. А. А. Романчуку представляется, что новые данные археологии позволяют пересмотреть взгляды большинства археологов.

Реанимирующая статья А. А. Романчука построена так: после краткой экспозиции (1), где излагается ситуация с норманизмом и антинорманизмом, автор, объявивший себя сторонником антинорманистской концепции западнославянского происхождения варягов, начинает излагать аргументы.

(2) Он начинает с доказательств того, что керамика Северо-Западной Руси — южнобалтийского происхождения, но (3) вынужден добавить, что не только западнославянского (лехитского), но также и фризского, то есть германского. (4) В связи с этим он специально останавливается на происхождении новгородцев от южнобалтийских славян на основе лингвистических исследований акад. А. А. Зализняка. Правда, при этом ему приходится, не будучи лингвистом, как-то справляться с языковедами-критиками

этих исследований. Поскольку получается это не очень победоносно, он (5) привлекает на помощь антропологические данные — работы С. Л. Санкиной. Санкина установила, что антропологически на Северо-Западе Руси и даже на юге Руси заметен германский вклад (в могильниках, подозреваемых на «норманнскость»), что А. А. Романчук тут даже не сформулировал, а вот что он не преминул заметить — это что антропологический тип славян Юго-Запада Балтики очень близок германцам.

(6) Далее идет разбор этнического определения артефактов Северо-Запада Руси, из которого следует, что скандинавских вещей было очень мало, и больше небогатых, чем богатых, и больше женских, чем мужских. А распространялись они на Русь, в основном, через Юго-Запад Балтики. (7) Затем А. А. Романчук напоминает, что саги не знают династию Рюриковичей до Владимира Старого, Рюрик им не известен. (8) Совершив скачок на восток, он тут же присовокупляет к этому, что в Ладоге скандинавов, судя по археологическим данным, нет, а есть фризы. (9) Отсюда уже прямой путь к дезавуированию скандинавской принадлежности имен Рюрика и Олега — они, по Романчуку, могут быть просто германскими или даже славянскими. (10) И вообще германское — не обязательно скандинавское. (11) Скандинавское происхождение термина «варяг» Романчук также отвергает, предлагая взамен общегерманское по своему корню, но занесенное к нам западными славянами. Вариант — «варины», от которых уже недалеко до «вагров». (12) Коль скоро зашла речь о терминах, то как не заняться термином «русь»? Романчук упирает на то, что собственно скандинавского прототипа у финского «руотси», а значит, и древнерусского «русь» не найти. Значит, открыт путь для всяких сопоставлений с разными словами со звуком «р» + гласный + зубной согласный, лишь бы они были не в Скандинавии, а в Центральной Европе или в Южной России. В итоге он приходит к выводу, что «Русь — изначально неславянский народ..., но к IX веку уже сильно славянизированный». (13) Завершает статью А. А. Романчука раздел о страстях, «что кипят вокруг дискуссии», и призыв эти страсти умерить.

Отвечая, я изменю порядок аргументов, но постараюсь ответить на все позиции (при этом уже приведенные А. А. Романчуком ссылки можно опустить, кроме прямых цитат).

Гипотезы, идеи и страсти

1. Коль скоро я также считаю, что страсти для объективного рассмотрения проблемы нужно умерить, я предлагаю, прежде всего, отказаться от того, чтобы называть своих оппонентов норманистами. Никакого норманизма нет в мире, нет его и в России. Нет какой-то «норманнской теории». То, что оспаривается антинорманистами под видом теории, это не теория (ни под какое определение теории не подходит — см. Клейн 1978; 2004), а некий набор фактов, выводы же, которые считаются квинтэссенцией этой теории, никем из ученых (так называемых норманистов) не сформулированы, формулируют за них эти выводы антинорманисты и политики, не являющиеся учеными. Антинорманизм же существует, это самоназвание, хотя только в нашей стране.

Говорить, что, де, мы называем норманистами сторонников идентификации варягов со скандинавами условно, не ругательно, т.е. не имея в виду никаких негативных ассоциаций, смешно: эти ассоциации закрепились в литературе и читатели их непременно почувствуют, пусть и подсознательно. Этого слова не избежать только в историографии, при изложении перипетий спора.

Сам факт того, что противостояния норманизма и антинорманизма не существует нигде, кроме России, и поддержка антинорманизма нынешней властью России (министр культуры В.Р. Мединский и др.) говорит о том, что вся программа антинорманизма зиждется на национальном комплексе неполноценности и униженности, корни которого отнюдь не в глубокой истории, а в отставании России, которое в тех или иных формах чувствуется с петровского времени. Не случайно главный реаниматор крайней антинорманистской идеи А.Г. Кузьмин одновременно подвизался в качестве активного разоблачителя сионизма как мирового заговора (есть ряд его сочинений этого плана, в свое время модных). Это не исключает того, что в своих работах по древней истории А.Г. Кузьмин был интеллигентен и корректен (в отличие от своего ученика).

По многим причинам он был заместителем главного редактора головного исторического журнала страны «Вопросы истории». Как кажется А.А. Романчуку, признав, что ленинградские археологи Клейн с учениками в их сближении с норманизмом «ни в коем случае не отходят от марксизма», А.Г. Кузьмин (1971) поддержал их в трудный момент. Объективно

это выглядело так, но цели А.Г. Кузьмина были другие. Трудный момент был позади. Мы уже до того (диспут 1965 года) наглядно победили в полемике и даже выпустили коллективную статью о норманнских древностях Руси, и нужно было как-то объяснить эту ситуацию, одновременно заклеив нас как норманистов и как сугубых теоретиков, победивших не на основе фактов (что было неверно). Это Кузьмин и сделал.

Я далек от того, чтобы видеть околонуточное политиканство в каждом отдельном случае выступления антинорманистов. Что касается А.А. Романчука, то, насколько я знаю, он просто склонен часто испытывать возможности реализации редких и отвергнутых идей, и его обращение к идее западнославянской идентификации варягов — лучшее доказательство того, что эта идея маргинальна. Но для меня безразлично, что побудило его отстаивать эту идею. Он делает это интересно, со знанием дела и серьезно, без раздражающих и популистских выпадов. Здесь уже нет кузьминско-фоминских варягов как вагров (хотя они всё же выглядывают из-за плеча А.А. Романчука), нет рюгенских ранов как почти русских (хотя и они ждут на скамейке запасных), нет бесчисленных Рутений-Русей по всей Европе.

Тем не менее, мне представляется, что в его работе есть несколько просчетов, которые в совокупности заводят его в неверную трактовку данных.

2. Прежде всего, он всё время исходит из сугубо географического понимания Скандинавии, по которому она ограничивается полуостровом, омываемым с юга Балтийским и Северным морями и рядом примыкающих островов. Ютландия — другой полуостров, отделенный от Скандинавии морем и отходящий от другой части Европейского материка.

Между тем, не только историки, занимающиеся средневековым миром викингов, но и современные политики понимают под Скандинавией, скандинавами, скандинавскими странами весь ареал, занимавшийся в древности викингами, а в современности государствами со скандинавской ветвью германских языков — Швецию, Норвегию, Данию и Исландию. Всё это для них скандинавский мир (ср. ряд статей о Дании в сборнике «Исторические связи Скандинавии и России» 1970).

Поэтому, говоря о ютландском происхождении тех или иных древностей, археологи спокойно рассуждают о скандинавском влия-

нии — так же, как и говоря о шведских по происхождению древностях. В остальной Европе в средневековье жители также воспринимали тех и других как норманнов — эпоха викингов была на всей этой территории. Несколько выбиваются из этой группы народов древние фризы. Фризский язык — ближайший родственник языка англос, принадлежит к западно-германской группе. Но Рорик (президент на идентификацию с Рюриком), захвативший со своим войском Фризию (Фрисландию), был даном из династии, правившей в Хёдебу, то есть одним из норманнов.

Вся эта терминологическая коррекция ничего не изменяет в содержании, но также должна отрезвить яростных антискандинавских спорщиков и ослабить накал страстей.

Вещи

3. Наиболее досадным с точки зрения антинорманистов прошлого являлся археологический материал, говоривший об обилии норманнских древностей на Руси. И наиболее внушительным в подборке А. А. Романчука явился анализ этой категории аргументов, который должен показать скудость и бездоказательность этих вещей.

Сколько их? По А. Стальсберг на Руси можно выделить 99 скандинавских погребений (Стальсберг 1987: 175). А. А. Романчук ехидно замечает: «Мягко говоря, немного».

Оценка, мягко говоря, неверна. 99 — это не много и не мало. Всё зависит от того, из какого числа сделана выборка. И общую совокупность нужно определять не по всем раскопанным погребениям, включая захоронения XX века, XIX века, XVIII века и т. д., а только за века, для которых исторически известно наличие варягов. Кроме того, нужно отсеять все этнически неопределенные погребения (то есть, подавляющее большинство). А от оставшихся, если выборка даст процентов этак 1—2, это мало, а если 10—20 — это уже очень существенно. Особенно, если по позициям в могильниках они займут центральное место. А. Стальсберг определяет долю скандинавских погребений в Гнездове и в могильниках Ярославского Поволжья как «около 10 процентов», а в районе Старой Ладogi повыше (Stalsberg 2008a: 11; 2008b: 184). Она добавляет, что норманны на Руси жили только в городах, а сельским населением не становились.

Кроме того, надо учесть, что А. Стальсберг — очень щепетильная исследовательница. Будучи потомком норманнов, она видит

свою ответственность в том, чтобы определять их численность на Руси *по минимуму* — быть сугубо придирчивой к зачислению погребений в норманнские, зачислять только, если уж нельзя не зачислить. Еще более придирчивым был только глава антинорманистов Д. А. Авдусин, для которого любой неопределенный (так сказать, «беспаспортный») покойник на нашей территории был заведомо славянином. Конечно, я не приемлю и противоположную крайность — объявлять покойников норманнами по любому скандинавскому артефакту при нем или любому скандинавскому признаку ритуала. Ясно, однако, что наиболее вероятная доля норманнов в реальности была выше, чем принятый Анной Стальсберг минимум.

Для Ярославского Поволжья мы установили, что норманнская выборка составляет 14 процентов (Клейн и др. 1970). Для Гнездова глава археологов-антинорманистов Д. А. Авдусин (1988: 30) в конце жизни признал, что норманнов там «во много раз больше», чем он ранее полагал. Ю. Э. Жарнов (1991) подсчитал, что среди женских погребений Руси скандинавские составляют 40% от ингумаций и 50% от кремаций. По И. Янссону (Iansson 1987) доля погребений с овальными фибулами оказалась в Гнездове такой же, как в Бирке, а в Тимереве — даже больше. Оговариваю, что речь идет о дружинных могильниках на Руси возле древнерусских городов. В сельском населении норманнов не было вовсе.

4. Теперь о доказательности предъявленных А. А. Романчуком аргументов. А. А. Романчук, со ссылками на ряд археологов, включая, к его удовольствию, «норманистов», перечисляет отличия древностей России, претендующих на норманнское происхождение, от истинно норманнских в Швеции: а) нет фигурных каменных выкладок вокруг погребений в курганах, б) нет в инвентаре погребений орудий труда, в) лодейных заклепок мало, и они ближе к балтийским (стержень в сечении не круглый, а четырехугольный), г) у женщин часто по одной фибуле вместо двух, д) мужских погребений вообще чрезвычайно мало (по А. Стальсберг, вдвое меньше, чем женских), е) вещи вообще часто не в комплексе. Он рассматривает это как свидетельство того, что у них не скандинавский источник или это результат торговли.

И главное: на Руси нет скандинавской керамики. Уж это и вовсе странно: если тут были норманны, то где их керамика, главный «этноиндикатор»?

На деле толкование артефактов не должно быть столь прямолинейным, нужно включить внутреннюю критику археологических источников (Клейн 2012: 197—222). Именно отличие типов вещей от прототипов на их родине говорит о том, что это, скорее всего, не предметы торговли, а результат передвижки населения. Ибо при передвижке, при миграции типы вещей нередко изменяются по сравнению с первоначальным очагом: миграция — это сильный стресс (Клейн 2013: 262—265). Естественно и отсутствие орудий труда в погребениях: в поход шли не крестьяне, а воины-торговцы. Женщины могли видоизменить исконный обычай — перейти к ношению одежды с одной застежкой, сшивая стыки на месте второй. Мужчины же значительно быстрее женщин перенимают чужие формы одежды и становятся не опознаваемы как этнически особые, не говоря уж о том, что они (особенно варяги) в те времена значительно чаще гибли в воинских походах на чужбине.

Что касается керамики, то главный контингент норманнов, прибывавших на славянские и финно-угорские земли — викинги. В их сопровождении прибывали на освоенные территории и супруги конунгов, а также военные подруги их приближенных — «валькирии» по В. Я. Петрухину (1996), то есть верхний и средний слои женской части общества. Ни викинги, ни эти женщины своей керамики не изготавливали. Пользовались местной. Именно этот состав пришельцев приводил к их массовым бракам с местными женщинами и к быстрому ославяниванию пришельцев (А. А. Романчук резонно заметил, что дети учатся языку от матерей).

5. А. А. Романчук использовал наблюдение Ф. Андроука, что процентное соотношение мечей эпохи викингов на Руси сильно отличается от Швеции и Норвегии и очень близко Дании. Ссылаясь на Г. С. Лебедева, К. А. Михайлова и других, А. А. Романчук устанавливает, что в Ладоге нет чисто скандинавских древностей, а есть древности общегерманские и особенно наличные во Фрисландии — длинные дома, как во Фрисландии, а могилы в Плакуне — камеры с гробовищем, как в Ютландии, в районе Хёдебю конца IX — начала или первой половины X вв. и более поздние на севере Ютландии. И А. А. Романчук спрашивает: «почему мы должны связывать могильник Плакун со скандинавами, пусть и южными? Почему не непосредственно с фризами? Или все же — славянами Юго-Запада Балтики?» Станный вопрос. Когда сходство с Данией и всё сходится

на районе Хёдебю, откуда Рорик родом, почему Романчуку приходят на ум фризы или славяне Юго-Запада Балтики? По-моему, можно сказать, что эти данные противоречат происхождению Рюрика из Швеции и ложатся на чашу весов ютландского (из данов) происхождения Рюрика — так их и восприняли Лебедев и Михайлов. И А. А. Романчук напрасно подсуетился с западными славянами. Только потому, что в 808 г. конунг данов разорил Велиград и переселил его жителей в Хёдебю? Из этих пленных потом получились варяги? Или это им и принадлежат богатые камерные погребения Хёдебю? Наверное, этим пленным очень повезло, что их Велиград разорили.

6. Ударным звеном своего рассуждения А. А. Романчук делает проникновение западнославянской керамики — лепной и гончарной — «как наиболее надежного этноиндикатора» в Северо-Западную Русь, начиная с середины IX века. Но из этих керамических вкладов торновская керамика, выступающая только в Городке на Ловати, происходит не с побережья Балтики, а из Бранденбурга, то есть из сербо-лужицких земель. Фельдбергская керамика, чужая для новгородцев, распространена по реке Хафель и по обе стороны от низовий Одера по Балтийскому побережью, она связывается с племенем вильцев (лютичей) и со словинцами. Для фрезендорфской керамики, наличной тоже в Новгороде, основным очагом распространения является остров Рюген, и немецкие археологи рассматривают ее как керамику племени ранов (руян). Гросс-раденская керамика, еще один западный компонент керамики Новгорода, происходит из пограничья ободритов и вильцев (лютичей) (район Шверина). Керамика типа Таттинг связывается с фризами, как и равноплечные фибулы. Итак, сорб-лужичане, лютичи, словинцы, пограничье с ободритами, фризы... Обратите внимание, что в Вагрии, где обитали вагры, основные претенденты Фомина на роль варягов, керамики, представленной вкладами в Северо-Западную Русь, нет. Лишь одна из этих групп оказывается на о. Рюген, но его участие в варяжской гипотезе притянута за уши (привязкой к этнониму «Русь» и к символу сокола).

Как прикажете понимать: которая из этих локальных групп западнославянской керамики, продвинувшейся в некоторые районы Северо-Западной Руси, принесена варягами? Или все? Но тогда почему не было такого внушительного проявления варягов на их западнославянской родине по письменным источникам?

И главное: если бы эта керамика принадлежала варягам, она бы была и в Южной Руси, на всем протяжении пути «из варяг в греки», а ее там нет.

Итак, керамика из разных мест западно-славянского ареала, и в Северо-Западной Руси она оказывается на разных участках. К тому же, на что обратил внимание на одной из конференций С. В. Белецкий, она вся гончарная, то есть сделана не в домашнем обиходе обычным населением, а мастерами-ремесленниками. Значит, свидетельствует она не о массовой передвижке населения, а о прибытии с запада отдельных мастеров-ремесленников из разных мест западно-славянского мира (не только с побережья и не только славянских, но и фризских), поселившихся в разных местах Северо-Западной Руси. Датируется она, в основном, X веком, когда на западных славян началось особенно сильное давление германских войск, и ремесленники потянулись в более безопасные места. Варяги тут ни при чем.

Язык и фольклор

7. Академик А. А. Зализняк в 1988 г. установил наличие в речи древних новгородцев архаизмов, схожих с архаизмами северно-лехитского диалекта. Это дало ему возможность предположить западно-славянское происхождение значительной части новгородского населения. А это, в свою очередь, было использовано В. В. Фоминым и его сторонниками для подтверждения идеи, что варяги — это западные славяне. Лингвисты О. Н. Трубочев, В. Б. Крысько и Х. Шустер-Шевц выступили с радикальной критикой этого наблюдения Зализняка. Они показали, что такие же архаизмы есть и в других славянских диалектах. Для подтверждения идеи нужно привести исключительные аналогии в новациях. И А. А. Зализняк сам не возобновляет свое предположение.

На это А. А. Романчук отреагировал так: «...сегодня уже и археологически совершенно очевиден факт не просто очень тесного взаимодействия Юго-Западной Балтики и Руси в раннем средневековье, но и, пожалуй, приоритетного взаимодействия» (Романчук 2013а: 284). «Приоритетное взаимодействие», судя по представленному выше анализу керамических аналогий, вовсе не замена западнославянского происхождения новгородцев и к варягам отношения не имеет.

А. А. Романчук также попытался доказать, что А. А. Зализняк всё же имел резон, говоря

о западнославянском происхождении новгородцев. А. А. Романчук привлекает к анализу сербов, болгар, кашубов и др., но в аналогиях не участвуют диалекты из районов Киева, Чернигова и Смоленска (Гнездова). Западно-славянские варяги обошли их?

8. В полном согласии с В. В. Фоминым А. А. Романчук выдвигает в числе коронных аргументов то, что саги не знают русских князей ранее конунга «Вальдамара Старого», Рюрик им совершенно неизвестен. «Факт фундаментальнейшего, принципиального значения». Ведь исландским сагам шведские дела были известны, как и вообще история скандинавского мира. А Рюрика нет.

Простите, но и его возможного прототипа, Рорика Ютландского, нет! А он реально существовал совсем близко — на Юге Балтики, и отмечен в нескольких письменных источниках: то сражался с королями франков, сыновьями Карла Великого, то подчинялся им. Саги — не история, отражали не всё. Кстати, русские былины ближе к местам событий, но тоже знают дохристианскую историю Древней Руси очень смутно. К тому же, чтобы слагались саги, нужна не просто связь между восточнославянской землей и Исландией, но и чтобы вернулись из похода певцы, слагавшие саги, и викинги, которых стоило прославлять. А массы воинов, «вся Русь», осели на Волхове и Днепре или погибли под стенами Миклагарда (Константинополя). Позже ходило викингов в Гардарики больше, и многие возвращались, эти начали слагать саги. А Рюрик, Аскольд, Дир, Игорь, Олег не вернулись.

Имена

9. Используя этот «фундаментальнейший факт», А. А. Романчук переходит к именам Рюрика и Олега. Еще А. Куник писал, что имя Рюрик (Рорик) редко в шведском именовании (см. Геденов 2011: 608), и это повторила Л. П. Грот, добавив, что оно характерно как раз для Ютландии (Грот 1997). Е. А. Мельникова присоединила к этому наблюдению, что имя Олег/Ольга (Хельги/Хельга), прежде всего, характерно для именованного Скъёльдунгов — легендарной династии о Зеландии (Дания). Кажется, тут всё ясно — это еще один аргумент на чашу весов ютландского происхождения Рюрика и Олега (против шведского их происхождения). А Романчук делает другой вывод: «Между тем эта ситуация как раз соответствует взглядам А. Г. Кузьмина...» (Романчук 2013а: 289). Но Кузьмин — ро-

доначальник современного варианта западнославянской атрибуции варягов и, соответственно, их князей. Как ютландское, из данов, происхождение Рюрика и Олега соответствует их западнославянской принадлежности?

10. Правда, А. Г. Кузьмин делал оговорку-уступку: «население Юго-Западной Балтики в раннем средневековье есть результат славянизации весьма сложного в этническом отношении населения — “народов между кельтами и германцами”» — с афоризмом: «Русь первоначально всюду была неславянской». Этим, по мнению автора, и объясняется «основная масса неславянских черт *варягов* и *варяжской руси*» (Романчук 2013а: 289). Этим Кузьмин, конечно, ослаблял «патриотическое» звучание своей концепции, жертвуя славянством имени ради сохранения славянства властителей. Да ведь сначала нужно доказать, что западные славяне вообще варяги.

А если вдуматься, тут есть какой-то вывод: сначала уверять, что пришельцы были на самом деле природными и отъявленными западными славянами, а потом с тем же энтузиазмом объяснять, откуда у них наследственные неславянские черты.

11. Теперь о самом термине «варяг». Как известно, оно исходно на языке норманнов (*væring*) означало тех наемников, кто принес клятву верности. Е. А. Мельникова установила, что слово это не встречается в древнескандинавских текстах до XI века: «с момента своего появления и далее оно обозначает не тех воинов и купцов, которые бывали на Руси, а исключительно скандинавских наемников в Византии» (Мельникова 1998: 159). Е. А. Мельникова считает, что слово это возникло среди викингов не в Византии или в Скандинавии, а на Руси, откуда варяги-наемники и поступали в Византию. Из гипотетичности этого последнего суждения А. А. Романчук выводит позволительность вернуться к Гедеоновскому производству «варяг» от «германского по своему корню» слова *varag- varang*, занесенного к нам западнославянскими племенами. Кому эти варанги присягали? Почему, будучи западными славянами, назвали себя по-немецки? Почему у них на Руси появился юс малый (перешедший в «я»), что говорит об исходном *-ing*, а не *-ang*? Как с этим вяжется идентификация *вэрингов* и *варинов*? Далее идут расшифровки семантики *варяг* через **warogъ* из **rarogъ* (сокол) и прочая, простите, задорновщина.

12. В заключение предложены пространные и столь же смелые этимологии термина

«Русь». Я избавлю читателя от их анализа, потому что для решения вопроса о происхождении термина «Русь» этимология этнонима не имеет ни малейшего значения. Я не «отмахиваюсь» от серьезного вопроса. Очень многие этнонимы не расшифрованы до сих пор, тем не менее, мы же их употребляем без всякой трудности. Например, термин «германцы». Это ведь не самоназвание. При Цезаре было не очень ясно, кто это и откуда взялось название. Цезарь решил, кого называть германцами. С тех пор называют и не путают. Всё это очень занятно рассказано в книгах Рольфа Гахмана. Так же точно и с термином «Русь». Как он образовался, мы не знаем, можем только строить разные предположения. Но мы точно знаем, что он сформировался первоначально к северо-западу от восточных славян.

Дело в том, что только на северо-западе наша летопись знает целый ряд однотипных этнонимов: сумь, чудь, русь, весь, ливь, ямь, лопь, водь, жмудь и т.п. В эту линейку Русь укладывается однозначно. Сравните с этим более южные названия: поляне, радимичи, вятичи, кривичи, север, половцы, печенеги, торки, берендеи, меря, мещера, голядь и т.д. Сравните с этим то, что финны (суоми — та самая сумь) и эстонцы зовут до сих пор Швецию Руотси. Значит, они сохранили память, что руотси приходили со стороны Швеции. Было бы легче, если бы Швеция звучала на финском как Руосси — тогда бы русь образовывалась фонетически безупречно. А так есть трудности. Возможно, какие-то диалектные особенности прошлого нам неизвестны. Е. В. Пчелов (2010: 204) правильно указывает не только на то, что «руотси» при переходе в славянский превращается в «русь» по той же модели, по которой «суоми» превращается в «сумь», но и на то, что «тс» в «руотси» мог дать у славян «с» так же точно, как «пс» в «вепсы» дал «с» в «весь». Трудности не отменяют основного: Русь — этноним, пришедший к восточным славянам с северо-запада, со стороны Швеции. И это вполне согласуется с летописью о пришествии племени Русь, «от них же и ны прозвашася».

Как это согласуется с тем, что по летописи Русь привел Рюрик, а Рюрик по многим данным связан не со Швецией, а с Данией, сказать трудно. Возможно, готовя поход на восточных славян, он набрал воинов из ближе знакомых со страной назначения шведских викингов. Возможно, мы не знаем каких-то эпизодов его биографии, связавших его

со Швецией. Возможно, аберрация постигла летописную легенду, так что на деле Рюрик и Русь пришли не вместе, а порознь. Наши сведения слишком обрывочны, а письменные также частично искажены. Но мы восстанавливаем те куски истории, которые поддаются восстановлению. Восстанавливаем по наиболее вероятным толкованиям фактов.

Спасибо А. А. Романчуку за то, что ясно и сравнительно сжато изложил многословную и витиеватую фоминскую аргументацию и довел ее до предельной степени убедительности и уязвимости. Тем самым он облегчил ее разбор, возможность показать полнейшую неосновательность гипотезы, лежащей в ее основе.

Литература

- Авдусин Д. А. 1988. Современный антинорманизм. *Вопросы истории* (7), 23—34.
- Гедеонов С. А. 2011. *Варяги и Русь: разоблачение норманнского мифа*. Москва: Эксмо.
- Грот Л. П. 1997. Мифические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории. В: *Шведы и Русский Север: историко-культурные связи*. Материалы симпозиума. Киров, 152—162.
- Жарнов Ю. Э. 1991. Женские скандинавские погребения в Гнездове. В: Авдусин Д. А. (ред.). *Смоленск и Гнездово*. Москва: МГУ, 200—225.
- Зализняк А. А. 1988. Древненовгородское койне. В: Иванов Вяч. Вас. (отв. ред.). *Балто-славянские исследования 1986*. Москва: Наука, 60—78.
- Клейн Л. С. 1978. Археологическая теория (проблема статуса и дефиниции). В: *Проблемы археологии и этнографии 2*. Ленинград: ЛГУ, 8—17.
- Клейн Л. С. 2004. *Введение в теоретическую археологию*. Кн. 1. *Метаархеология*. Санкт-Петербург: Бельведер.
- Клейн Л. С. 2009. *Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Клейн Л. С. 2011. Гипотеза в археологии. *РАЕ 1*. Санкт-Петербург: Universit'e's Publishing Consortium: 56—69.
- Клейн Л. С. 2012—2013. *Археологическое исследование. Методика кабинетной работы археолога*. Кн. 1, 2. Донецк: Донецкий Национальный университет.
- Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. 1970. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. В: *Исторические связи Скандинавии и России*. Ленинград: Наука, 226—252.
- Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. 2009. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. В: Клейн Л. С. *Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон*. Санкт-Петербург: Евразия, 145—174.
- Кузьмин А. Г. 1971. Болгарский ученый о советской историографии начала Руси. *Вопросы истории* (2), 168—186.
- Мельникова Е. А. 1998. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии. *Византийский временник* 55 (80). Ч. 2, 159—164.
- Носов Е. Н., Шаскольский И. П. (ред.). 1970. *Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв.* Ленинград: Наука.
- Петрухин В. Я. 1996. Варяжская женщина на Востоке: жена, рабыня или «валькирия». *Секс и эротика в русской традиционной культуре*. Москва: Ладомир, 31—43.
- Пчелов Е. В. 2010. *Рюрик*. ЖЗЛ. Москва: Молодая гвардия.
- Романчук А. А. 2012. Российский Археологический Ежегодник: новая «площадка для дискуссий» в российской археологии. *Stratum plus* (4), 341—352.
- Романчук А. А. 2013а. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Stratum plus* (5), 283—299.
- Романчук А. А. 2013б. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны (полная версия). URL: <http://moldo.org/2nd.php?idm=3&ida=295>.
- Стальсберг А. 1987. Женские вещи скандинавского происхождения на территории Древней Руси. В: Рыбаков Б. А. (гл. ред.). *Труды V Международного конгресса славянской археологии III* (16). Секция V. Москва: Наука, 73—79.
- Jansson I. 1987. Connections between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age. *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa IV*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 773—807.
- Stalsberg A. 2008a. Die Skandinavier der Wikingerzeit in der Alten Rus. In: Koch A. (Hrsg.). *Die Wikinger. Ausstellungskatalog*. Kusthalle Leoben, 101—112.
- Stalsberg A. 2008b. Rus' und Waräger auf dem Wege nach Osten. In: Kaufmann S. (Hrsg.). *Die Wikinger. Historisches Museum der Pfalz Speyer*. München: Edition Minerva, 178—189.

References

- Avdusin, D. A. 1988. In *Voprosy istorii (Questions of History)* (7), 23—34 (in Russian).
- Gedeonov, S. A. 2011. *Variagi i Rus': razoblachenie normannskogo mifa (The Varangians and Rus': Unveiling the Norman Myth)*. Moscow: Eksmo (in Russian).
- Grot, L. P. 1997. In *Shvedy i Russkii Sever: istoriko-kul'turnye svyazi (The Swedes and the Russian North: Historical and Cultural Links)*. Kirov, 152—162 (in Russian).
- Zhamov, Yu. E. 1991. In *Smolensk i Gnezdovo (Smolensk and Gnezdovo)*. Moscow: MGU, 200—225 (in Russian).
- Zaliznyak, A. A. 1988. In *Balto-slavianskie issledovaniia (Baltic-Slavic Studies) 1986*. Moscow: Nauka, 60—78 (in Russian).
- Klejn, L. S. 1978. In *Problemy arkheologii i etnografii (Problems of Archaeology and Ethnography) 2*. Leningrad: LGU, 8—17 (in Russian).
- Klejn, L. S. 2004. *Vvedenie v teoreticheskuiu arkheologiiu (An Introduction to Theoretical Archaeology)*. Book I. *Metaarkheologia (Metaarchaeology)*. Saint Petersburg: Bel'veder (in Russian).
- Klejn, L. S. 2009. *Spor o variagakh. Istoriia protivostoianii i argumenty storon (The Varangian Dispute. History of Confrontation and Arguments of Opponents)*. Saint Petersburg: Evraziia (in Russian).
- Klejn, L. S. 2011. In *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik (Russian archaeological annual) 1*. Saint Petersburg: Universi-

№5. 2014

- tie's Publishing Consortium: 56—69 (in Russian).
- Klejn, L. S. 2012—2013. *Arheologicheskoe issledovanie. Metodika kabinetnoi raboty arheologa (Archaeological Research. Methodology of Archaeologist's Desk Study)*. Book 1—2. Donetsk: DNU (in Russian).
- Klejn, L. S., Lebedev, G. S., Nazarenko, V. A. 1970. In *Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii (Historical Links between Scandinavia and Russia)*. Leningrad: Nauka, 226—252 (in Russian).
- Klejn, L. S., Lebedev, G. S., Nazarenko, V. A. 2009. In *Spor o variagakh. Istoriia protivostoianii i argumenty storon (The Varangian Dispute. History of Confrontation and Arguments of Opponents)*. Saint Petersburg: Evraziia, 145—174 (in Russian).
- Kuzmin, A. G. 1971. In *Voprosy istorii (Questions of History)* (2), 168—186 (in Russian).
- Melnikova, E. A. 1998. In *Vizantiiskii vremennik* 55 (80). Part 2, 159—164 (in Russian).
- Nosov, E. N., Shaskolskym I. P. (eds.). 1970. *Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii IX—XX vv. (Historical Relations between Scandinavia and Russia in 9th—20th cc.)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Petrukhin, V. Ya. 1996. In *Seks i erotika v russkoi traditsionnoi kul'ture (Sex and Erotic in Traditional Russian Culture)*. Moscow: Ladomir, 31—43 (in Russian).
- Pchelov, E. V. 2010. *Riurik (Rurik). Zhizn' zamechatel'nykh liudei (Lives of Prominent People)*. Moscow: Molodaia gvardiia (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2012. In *Stratum plus. Arheologiiia i kul'turnaia antropologiiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (4), 341—352 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2013a. In *Stratum plus. Arheologiiia i kul'turnaia antropologiiia (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (5), 283—299 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2013b. Variago-russkii vopros v sovremennoi diskussii: vzgliad so storony (Varangian-Rus' Issue in Modern Debate: a Look from the Outside) (full version). URL: <http://molodo.org/2nd.php?idm=3&ida=295> (in Russian).
- Jansson, I. 1987. Connections between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age. *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa IV*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 773—807.
- Stalsberg, A. 2008a. Die Skandinavier der Wikingerzeit in der Alten Rus. In: Koch A. (Hrsg.). *Die Wikinger. Ausstellungskatalog*. Kusthalle Leoben, 101—112.
- Stalsberg, A. 2008b. Rus' und Waräger auf dem Wege nach Osten. In: Kaufmann S. (Hrsg.). *Die Wikinger. Historisches Museum der Pfalz Speyer*. München: Edition Minerva, 178—189.

Статья поступила в номер 10 ноября 2013 г.

Leo S. Klejn (Saint Petersburg, Russia). Doctor of Historical Sciences.

Leo S. Klejn (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice.

Клейн Лев Самуилович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук.

E-mail: Lsklejn@gmail.com.